ИЛЬЯ ГРУЗДЕВ

ГОРЬКИЙ
И
ЕГО ВРЕМЯ

ТОМ
I

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
ЛЕНИНГРАД 1938

Printed in Soviet Union

891
Г — 90

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

I

Неделя разгульной масленицы кончалась «прощеным воскресеньем», кануном великого поста. Обычай требовал просить в этот день друг у друга прощения за все вины и обиды.

Но трудно представить себе, чтобы «глава семьи» просил прощения у своих детей или у служащих. Зажиточное мещанство и купечество толковали обычай так, что это у них, у своих «хозяев», члены семьи и служащие просят в этот день прощения, торжественно появляясь и земно кланяясь. Все это отлично укрепляло престиж хозяина и покорность чад и домочадцев.

В семье нижегородского цехового Каширина, владельца известной всему городу красильни, прощеное воскресенье 11 февраля 1868 года ознаменовалось особым событием. Дочь красильщика и ее муж, столяр мастерских пароходчика Колчина, после длительной ссоры с Кашириным явились к нему для примирения. Вина их была в том, что обвенчались они против воли отца, «самокруткой». И однако «прощения» в собственном смысле слова тут не было, потому что молодая чета с самого начала и до конца проявила большую самостоятельность. Да и вообще в Поволжьи увод невесты не был делом сверхобычным и, например, в соседнем с Нижегородским, Семеновском уезде, в сельском быту, это было даже общим явлением. Работница в доме, — вот семейно-хозяйственная проблема, заставлявшая и

отца применять родительское проклятие, и молодежь — пренебрегать святостью родительского благословения. [1]

В семье Каширина, в быту мелкой ремесленной буржуазии, так узко-экономически вопрос не стоял. Дело было в престиже несколько патриархальной семейной власти, хотя такая патриархальность, связанная с известным достатком, была не родовой и имела давность только одного поколения. Сам Василий Васильевич Каширин в ранней молодости начал свою карьеру совсем неимущим человеком, бурлаком, в караване балахнинского купца. Но через несколько лет он был уже «водоливом» — старшиной над бурлаками и расходчиком артели. Сделав сбережения, он обосновался в Нижнем и занялся окраской пряжи и тканей, имея и в этом деле успех. Пришли деньги, пришел и почет, — Каширин избран был цеховым старшиной красильного цеха. Три раза он переизбирался в этой должности и даже метил в ремесленные головы. [2] Большой двухэтажный дом его на Ковалихинской улице, с обширным флигелем и садом, был не последнего десятка в городе, и один дом этот мог уже свидетельствовать о несомненной удаче его жизни. Дочь свою он прочил за дворянина, это давало иллюзию еще какого-то продвижения по социальной лестнице. Поэтому и был он вне себя, когда дочь его самокруткой обвенчалась с Пешковым, парнем пришлым, без рода и состояния. Был он отличным мастером — только и всего. (1) [3]

[1] О значении самокруток в семейной борьбе за работницу см. в краеведческих материалах того времени, в «Нижегородском Сборнике» А. С. Гацисского, том III, 1870 г. Там же рассказывается о случаях мирного и немирного исхода самокруток, а также о значении в этом деле «прощеного дня».

[2] В Адрес-календаре «Памятной книжки Нижегородской губернии на 1855 год» старшиной красильного цеха в Нижнем значится Василий Васильевич Каширин. В следующем издании этого справочника, в «Памятной книжке Нижегородской губернии на 1865 год», старшиной красильного цеха значится уже другое лицо. По всей вероятности, на период между названными датами и приходится девятилетняя служба Каширина в этой должности, — ремесленные старшины избирались на три года.

[3] Цифры в скобках указывают на биографические исследования и материалы, помещенные во втором разделе книги.

Пешковы поселились отдельно от Кашириных, на Суетинском съезде, и только на следующий год состоялось — в названный выше день — примирение. После этого они переехали в дом красильщика на Ковалихе, во флигель в саду. В этом флигеле и родился будущий писатель. (2)

По семейным преданиям, Максим Савватиевич Пешков был умным, добрым и веселым человеком. Несомненно, что он был и хорошо грамотным: в 1871 году ему предложили должность управляющего пароходной пристанью в Астрахани, куда он и отправился с семьей весною этого года. Кроме своего назначения он имел еще поручение от пароходчиков — строить триумфальную арку по случаю приезда в Астрахань Александра II. (3) На этой арке, построенной у пристани, было изображено все, чем славился край: груды соли, добываемой из Астраханских озер, лежали в ее основании, виноградные лозы с зелеными гроздями обвивали колонны и арку, модели рыболовных судов высились наверху, а в золотых сетях мелькали серебряные рыбы, — строитель арки несомненно обладал фантазией художника. Кроме сего, на ней были изображены две даты: 1722 и 1871, даты посещений Астрахани Петром I и Александром II. Это последнее обстоятельство дало повод местной коммерческой газетке пышно и льстиво уравнять двух «преобразователей России», подчеркнув значение буржуазных реформ Александра II, вознеся притом и местное событие 4 сентября 1871 года, «живым свидетелем которого осталась навсегда триумфальная арка», как, с преувеличенной убежденностью, писал фельетонист. [1]

Жизнь Пешковых в Астрахани кончилась катастрофой. Через год, в холерную эпидемию 1872 года, мальчик заболел холерой, выздоровел, но заразил ею отца, который обиходил его во время болезни. Максим Савватиевич умер, оставив жену и четырехлетнего сына, вернувшихся после его смерти на родину, в Нижний, в дом Каширина. Смертью отца, родами, которыми разрешилась мать в это же время, смертью брата, осенней

[1] «Астраханский справочный Листок», 1871 г., № 125, «Прощание с летним сезоном».

поездкой на пароходе, во время которой перед мальчиком мир открылся с невиданной до того красотою, и начинается, как помнит читатель, автобиографическая повесть М. Горького «Детство». [1]

В Нижнем к этому времени произошли существенные перемены. Большой двухэтажный дом на Ковалихе с флигелем и садом, оцененный городом в «Раскладочной ведомости по налогам» в две тысячи рублей, [2] был продан, красильня на Ильинке ликвидирована. Старики Каширины, вместе с семьями двух сыновей, Михаила и Якова, жили на Успенском съезде, в приземистом одноэтажном доме, по городской оценке в пять раз дешевле первого дома. Да и самый дом числился во владении сына Якова. Там же помещалась общая красильня.

Менялись и настроения обитателей дома Кашириных. Он «был наполнен горячим туманом взаимной вражды всех со всеми». Здесь «часто кричали друг на друга, грозили чем-то один другому, тайно шептались в углах». Старый рабочий красильни в беседах с маленьким Пешковым отчасти вскрывал смысл происходящего: «Он умный, дедушка! Вот он хозяином поставил себя, а я не сумел. Господь, однако, всех нас умнее: он только улыбнется, а самый премудрый человек уж и в дураках мигает». [3]

Дело господа исполнял здесь механический станок хлопчатобумажной промышленности. Еще в 1846 году была основана первая в этом крае, в средней полосе России, — «прядильно-механическая ткацкая мануфактура» — фабрика купца Попова в городе Шуе со 108 механическими ткацкими станами и английскими прядильными машинами. [1] Механический станок вскоре повел широкое наступление на ручное ткачество, подготовляя небывалое до того времени распространение ситцевых фабрикатов. В 50-х—60-х годах деревня все более перекрашивается из излюбленного темносинего, «кубового» цвета домашней крашенины в красные и пестрые цвета фабричного ситца. В тесной связи с домашним ткачеством стоял и красильный промысел. И я думаю, что некрасовская старообрядка в поэме «Кому на Руси жить хорошо» агитировала против красных ситцев не без влияния на то ожесточенной экономической борьбы домашних ткачей и красильщиков с механической фабрикой:

— С тех пор, как бабы начали
Рядиться в ситцы красные, —
Леса не подымаются,
А хлеба хоть не сей!
— Да чем же ситцы красные
Тут провинились, матушка?
Ума не приложу!
— А ситцы те французские —
Собачьей кровью крашены!
Ну... поняла теперь?..

Если сельские кустарные красильни, работавшие не круглый год, еще удерживались долгое время, то в городе дело шло значительно быстрее. Вот что говорят данные Нижегородского Статистического Комитета о числе красильщиков в Нижнем. Для сопоставления рассмотрим положение нескольких профессий:

	1847 г.	*1355 г.*	*1361 г.*	*1865 г.*
Серебряников	76	90	58	45
Столяров	139	127	127	138
Печников	24	19	52	47
Цирульников	9	18	35	39
Красильщиков	136	66	13	5 [2]

[1] По сводкам «Астраханских Губернских Ведомостей» холерная эпидемия в Астрахани в 1872 году продолжалась с 11 августа по 6 октября. В октябре Пешковы были уже в Нижнем, что видно из прошения «вдовы Варвары Васильевны Пешковой в Нижегородскую Ремесленную управу» о желании ее «с сыном своим 4-х лет Алексей Максимовичем Пешковым приписаться в Нижегородское цеховое общество». Прошение было подано 27 октября 1872 года. (Публикация Ал. Белозерова в журнале «Новый мир», 1926 г., № 3).

[2] «Нижегородские Губернские Ведомости», 1868 г., стр. 158.

[3] М. Горький, Собр. соч., 1933 г., том XVI, стр. 19, 38, 41—42.

[1] «Владимирские Губернские Ведомости», 1846 г., № 15, 1847 г., № 42 и др.

[2] «Памятные книжки Нижегородской губернии» на 1847, на 1855 и на 1865 годы; «Нижегородские Губернские Ведомости»,

При непрогрессирующей технике ремесла падение числа красильщиков означало падение числа заказов, и при всей возможной неточности нижегородской статистики процесс этот несомненен. Он тяжело давил на семью Кашириных, вызывая острую тревогу между ее рабочими членами и отчаянные попытки каждого из них удержать для себя остатки когда-то выгодного предприятия, вызывая жестокие свары и волчьи драки.

Все это кончилось семейным разделом, сыновья Михаил и Яков отделились от отца, сохранив себе мастерские, а старик Каширин купил новый дом, ближе к окраине города, на Полевой улице, с кабаком в нижнем каменном этаже. Но дикие семейные ссоры не прекратились и после раздела, — сыновья, не сводя концов в своих предприятиях, продолжали вести атаку на сбережения отца. В одно из таких наступлений Михаил Каширин палкой переломил руку своей матери, бабушке Горького, — она пыталась умиротворить яростные силы. «Был он, дядя Михаил, человек тощий, сухой плоти и раздраженного разума человек, — писал мне А. М. — Ходил быстренько, мелким шагом, раскачиваясь, болтая руками, сутулился, прятал голову в плечи, — так пьяные идут в драку... Меня дядя Михаил не терпел, пожалуй, можно сказать, — ненавидел. Дважды выразил искреннее сожаление о том, что не разбил мне голову о печку.[1] Я не имею возможности хвастаться этим, ибо он, кажется, всех ненавидел. Теперь я думаю, что он, кроме алкоголизма, страдал истерией. А основная причина всех его уродств, конечно, в том, что он, старший сын ремесленного старшины, в юности приученный к сытой жизни и хорошей одеже, затем женатый на дворянке — принужден был жить с толстой, удивительно тупой и грубой бабой, дочерью темного трактирщика, должен был сам работать в крайней бедности, в постоянной войне с братом, отцом, конкуррентами по ремеслу. Тяжелая фигура. Но и жизнь была не легка ему».

1862 г., № 49. — О судьбе кустарных красилен см. в «Нижегородском Сборнике» А. Гацисского, том VII, стр. 68.

[1] Эпизод в доме на Успенском съезде, рассказанный в «Детстве». М. Горький, Собр. соч., том XVI, стр. 53. *И. Г.*

Вероятно, вследствие этих неотступных и бурных притязаний со стороны сыновей, Каширин вынужден был очень скоро продать дом на Полевой улице кабатчику. Повидимому, он владел им меньше года, — в ежегодных «Раскладочных ведомостях» в 1873 и 1874 годах этот дом не значится за Кашириным. Продав его, он купил другой, по Канатной улице, выходившей в поле, на самом краю города. Дом на Канатной, оцененный «Раскладочной ведомостью» всего уже только в 300 рублей, был последним свидетелем относительного благополучия бывшего ремесленного старшины. (4)

Мать Горького не имела большого влияния на жизнь сына. Она подолгу уходила из семьи Кашириных, оставляя его на попечении деда. Шести лет Горький обучался у него церковно-славянской грамоте по Псалтырю и Часослову, так учили еще во времена Удельной и Московской Руси. Вернувшись в семью, уже в дом на Канатную, Варвара Васильевна энергично принялась учить сына на свой лад. «Купила книжки, и по одной из них — «Родному Слову» — я одолел в несколько дней премудрость чтения гражданской печати, но мать тотчас же предложила мне заучивать стихи на память, и с этого начались наши взаимные огорчения... Она стала требовать, чтоб я все больше заучивал стихов, а память моя все хуже воспринимала эти ровные строки, и все более росло, все злее становилось непобедимое желание переиначить, исказить стихи, подобрать к ним другие слова... ненужные слова являлись целыми роями и быстро спутывали обязательное, книжное». В то же время словесность не книжную, народную, ту, что он получал из уст бабушки, — сказки, были и песни, — Горький запоминал с большой легкостью и в огромных объемах. Акулина Ивановна Каширина в молодости была балахнинской кружевницей, кружевницы эти славились в равной мере и своим ремеслом, и своими песнями. Память ее удерживала очень большое количество стихов, и этим она известна была не только в своем кругу. «Бабушка моя отлично знала песни, — писал мне А. М., — их «отбирал» у нее нижегородский помещик и театрал Турчанинов. — Хорошие-то, сердешные, не нравились ему, дурачку, — говорила она». Когда в 1878 году нижегород-

ский епископ Хрисанф приехал на урок в Слободско-Кунавинское начальное училище, он с удивлением отметил ученика Пешкова, Алексея, который мог ему на память говорить стихами народные сказания и жития.

Слободско-Кунавинское начальное училище, в котором учился Горький в течение зимы 1877—78 гг., — было типичной в то время «приходской» школой для городской бедноты, — последним, низшим звеном в сословной образовательной системе буржуазно-дворянской России. (5) Но и эта, первая для Горького, ступень обламывалась, — в жизнь его все более мощно вторгалась улица. Когда-то богатый красильщик к этому времени разорился окончательно и был «деклассирован» вконец. Каширины жили теперь в беднейшей части города, за рекой, в Кунавинской слободе, снимая тесную каморку с двумя окнами на двор и находясь на пороге нищенства. Горький совмещал со школой занятия ветошничеством, а десяти лет, расставшись со школой навсегда, он стал «свободен» для того, чтобы начать жить самостоятельно, и жизнь, как улица, была ему и просторна, и тесна. Так случилось, что родившись в зажиточной, еще вполне буржуазной среде, он с детства пошел в длинный путь бездомной жизни, жестокой эксплоатации его сил, тяжелого физического труда и скитаний.

Это было первое социальное противоречие, взрастившее Горького. Под ударами промышленного капитала мелкая ремесленная буржуазия разорялась, исчезая прежде, чем успела сколько-нибудь социально окрепнуть. Разорение наименее устойчивых групп мелкой буржуазии в свою очередь подготовляло капитализму новые рабочие кадры. Но в развитии русского капитализма во второй половине 70-х годов было заложено *свое* противоречие, и длительная промышленная депрессия перешла к началу 80-х годов в настоящий кризис. Об экономических затруднениях того времени так писал обозреватель журнала «Русская Мысль»: «Число ремесленников ограничивается до такой степени, что скоро надо будет отсылать самые простые вещи для починки в столицы или губернские города; фабричная и заводская промышленность не только не увеличивается, но по многим отраслям идет вниз; едва

зародившиеся банки шатаются; число банкротств за последние годы неизмеримо выше и чаще, нежели когда-нибудь». [1]

Нам еще придется пристальнее всмотреться в эту картину кризиса, вызвавшего потрясение во всей стране и вызвавшего разнообразные следствия, в первую очередь — огромный рост безработицы.

Этот рост безработицы давал капиталистам широкую возможность нового наступления на жизненный уровень рабочих масс. Петербургский пролетариат ответил стачками 1878—1879 гг. и первыми попытками основать классовую рабочую организацию, вся городская беднота ответила — усилением босячества.

Самое наименование босячества «золотой ротой» принадлежит 70-м годам. [2] Приток в босяки солдат из демобилизованных после войны 1877—78 гг. и потерявших свое прежнее место в жизни усилил милитарный жаргон. Появились выражения — «босая команда», «золотая рота босого батальона» и т. п. О новизне термина свидетельствует и такое начало одной из статей того времени: «Но что это за золотая рота? — спросит читатель. — Мы слышали о «золотой молодежи», но о «золотой роте» никогда не слыхали». [3]

Босячество именно в это время достигло небывалого еще развития. — Не поддавайся! Пропадешь! — такие внушения старших в повестях «Детство» и «В людях» были действительно воплощением житейского опыта и предостережением от реальной и скорой возможности. «Пропал» двоюродный брат Горького, Саша Михайлов, сын Михаила Каширина, быстро сошедший в босяки, «пропадало», конечно, и много других людей этого круга, и путь к этому часто лежал уже с детства. (6)

Некто Н. Сигалев писал Горькому в 1914 году: «Прочтя Ваше «Детство» в «Русском Слове», мне невольно вспомнилась моя прежняя, детская жизнь в Ку-

---

[1] «Русская Мысль», 1881 г., № 3, стр. 14—15.

[2] Раньше этот термин имел другие значения, одно из них — уголовные элементы аристократии. Ср., например, роман Всеволода Крестовского «Петербургские трущобы» (1864—1869) или книгу «Похождения золотой роты».

[3] «Дело», 1879 г., № 2, стр. 174.

навине и его окрестностях, в то же самое время, которое описали Вы. Но, из своей бывшей среды, почему-то я Вас лично не помню; но полагаю, что мы были в знакомстве, так как Ваши слободские похождения точно обрисовывают тоже самое, что было и передо мною. Не Вы ли в то время рассказывали стихи «Про богача и Лазаря», которые я слышал несколько раз из уст одного разумного, уличного мальчика; но имя и фамилию его не помню или вовсе не знал, так как у нас в то время зачастую настоящих имен не существовало, а говорилось просто: «Мишка-мордвин», «Андрюшка-толстый» и т. п. прозвища...» Получив от Горького подтверждение своих догадок, Сигалев писал ему: «В Вашем повествовании «Детство» упоминается товарищ Гришка-чурка. Ведь, это я подразумеваю Гришутку Повельщука, который жил на Песочной или Новинской улице близ рогожного завода. Он дружил с Вами, а звали ли его тогда «Чуркой» — я что-то забыл... Я вел дружбу по вечерам с Ванькой и Бобкой Юрковскими... Ваньку и Бобку впоследствии переименовали в Якимовых, так как по смерти родителей они оказались незаконнорожденными... А Сашка — это был неповоротливый не то мальчик, не то парень, грубый и несловоохотливый... Помню когда его взяли и повели в «часть» за какую-то кражу; вели по Кузнечной улице, и я его больше уже не видел. А Нюшка Евченко [1] и др. звали его иногда «собакин сын», очевидно за то, что не добились ничего о его родословии. Нюшку Евченко я видел... в числе «золотой роты». [2]

Сигалеву, сыну сторожа на железнодорожном переезде, удалось выбиться в телеграфисты, а затем дослужиться до начальника станции где-то на Закаспийской ж. д. В глазах кунавинцев такая перспектива, конечно, могла казаться лишь совершенно исключительной по своей удаче. Жизнь полуголодных мещан «слободы», сброшенных с буржуазного счета «города», подкармливавших себя кражами с барок и плотов и обслуживанием ежегодно вскипающего грязного очага ярмарочного разгула, — эта жизнь вызывала со стороны более удачливых, зажиточных мещан «города» и высокомерие, и тревогу. «Если бы мне дали там лучший дом даром с условием жить постоянно в нем, то я скорее согласился бы жить в Сибири с каторжниками, чем в кругу разврата и грабителей». [1] Так говорил о Кунавине «добропорядочный» мещанин, из тех, что по-малу укрепили корни своего благополучия и в эту шаткую пору.

Впрочем, общая картина экономической депрессии, наступившей с середины 70-х годов, несколько нарушилась искусственным подъемом вследствие военных поставок во время войны 1877—78 гг. В Нижнем такое положение вещей восхищало купеческий «Нижегородский Биржевой Листок». В передовой статье от 24 декабря 1877 года он сообщал: «Прошедший год, страшивший всех торговым бездействием, оказался далеко лучше и прибыльнее мирных лет. Одна и та же милость божия наградила нас в прошедший год двойными дарами: отца, царя-освободителя, победами и славою, а торговый и промышленный люд — неожиданными барышами и заработками». Замечательно это ликующее простодушие в разделе добычи: ему — победы, нам — барыши.

Вообще же среди экономических неурядиц и бед того времени более благополучно чувствовало себя посредническое звено капитализма — торгующее купечество. В Нижнем-Новгороде оно издавна осело плотным массивом.

Осенью 1878 года для Горького было найдено в «городе» место «мальчика» у купца Л. М. Порхунова, владельца магазина обуви на Большой Покровской улице, главной улице Нижнего. Помимо службы в магазине, он исполнял и домашние работы на квартире хозяина, как то водилось у лавочников. Прослужив зиму, он обварил себе на этой работе руки кипящими щами, и, таким образом, первая его служба «в людях» кончилась больницей. (7) После выздоровления Горький снова должен был пойти на службу мещанам. Новое место для него нашлось в семье чертежника и коммерсанта В. С. Сергеева, его двоюродного дяди. Здесь на него

[1] У Горького в его повести «В людях» — Нюшка Евсеенко. *И. Г.*

[2] Из неизданных материалов.

[1] «Нижегородский Биржевой Листок», 1878 г., № 75.

были возложены обязанности горничной, судомойки и мальчика на побегушках. «Работал я много, — вспоминал Горький, — почти до отупения, будни и праздники были одинаково загромождены мелким, бессмысленным, безрезультатным трудом». [1]

Родственные отношения Горького к Сергееву не раз вводили в заблуждение и побуждали к сентиментальным домыслам. Несмотря на то, что Горький еще в 1921 году в примечаниях к публикациям журнала «Былое» пояснял: «Поселиться у дяди» я, конечно, не мог, ибо не жил у него, как у родственника, а служил, как у хозяина», — в журнале «Новый мир», при новой публикации материалов, снова сообщалось: «Единственный, у кого мог преклонить свою голову школьного возраста Алексей Пешков, — это был дядя... у него-то и обосновался будущий М. Горький. Вместо школьного обучения нуждавшийся сам чертежник-дядя принужден был отдать племянника «в услужение» в обувный магазин...» [2]

Этот «дядя, который сам нуждался не менее безродного племянника», — лицо в полной мере легендарное. Сергеев был домовладелец, подрядчик по строительным работам, человек вполне и весьма зажиточный.

К слову сказать, и Порхунов был в свойстве с семьей Горького (благодаря чему и «устроили» его на место), но это не мешало обувнику для предупреждения предполагаемой кражи грозить «устроить» его, в обход закона, в тюрьму до его «совершенных лет». Отношения были деловые и совсем не страдали родственною чувствительностью. (8)

II

И. А. Жуков, издатель и редактор «Нижегородского Биржевого Листка», любил поучительное. Почти в каждой своей передовой статье, осведомляя купечество о ценах на муку и мануфактуру, он напоминал и о хороших пословицах, составлявших кодекс мещанской мудрости. Отсеки ту руку по локоть, что в свой рот добра не гребет, это — основа жизни набухающего добром мещанина. Уличенный в кривосердечии, он обороняется афоризмом: не душа врет, а мошна, отлично зная, впрочем, что и душа не выдаст, что всякая душа слепая про себя смекает, и что все похождения мошны очень хорошо покрываются смиренно-жуликоватой молитвой: простоты нашей ради, помилуй нас, господи!

И хотя Жуков писал, что его «Листок» — «есть не более, как оберегатель коммерческих интересов» и что «было бы более чем несправедливо требовать от коммерческого органа еще и нравственного воспитания народонаселения, где он существует», но это было уже от скромности. Несомненно, что он был и посильным организатором классовой нравственности нижегородского мещанства, экономически, впрочем, в полном от него подчинении. Фельетонист газеты, Севастьян Микитич, униженно увеселял своих читателей, или, как он их называл, «ярмарочных благодетелей» (во время ярмарки увеличивался тираж), описанием драк и скандалов, увеселял иносказательно, чтобы не поплатиться за прямую огласку. Писал он таким стилем: «с ума сошел Микитич от старческих недугов или от излишнего употребления бутылочного разговорцу, что хохлы называют горелкою, а русский человек сивухой». В его театральные обзоры входили не только небескорыстные рекламы трактирщикам — «кто охотник поесть по-русски, до сыта, рекомендуем у Грачева», — но также репортаж о публичных домах и проститутках: «относительно кунавинских канареек — пока известно только 8 садков, привезенных из Казани, Саратова и нижегородских трущоб, о достоинствах как певцов, так и канареек, предоставляю делать заключения самим посетителям». В то же время редакция была по-своему и благопристойна, и благочестива. Когда ею было получено письмо с просьбой «не помещать в своих статьях текстов из священного писания, потому что «Биржевой Листок» читается на лапотной бирже, в катушках, в публичных заведениях и непотребных домах разными людьми, жидами и татарами, и тем оскорбляется святая церковь», — редакция самокритически, так сказать, приняла письмо этого мыслителя к руководству.

[1] «Как я учился», 1918 г., стр. 3.
[2] «Новый мир», 1926 г., № 3, стр. 117, 118.

эпоха победившего социализма. 11 октября 1931 года на полях тома собрания, где помещена «Девушка и Смерть», он записал:

«Эта штука сильнее, чем «Фауст» Гете (любовь побеждает смерть)».

Апофеоз Жизни, могучее, ослепительное презрение к Смерти, к Судьбе, ко всем темным и косным силам старого мира, все, что так ярко выражено в этой короткой поэме, было как бы огненным прологом новой литературы. А для Горького, вступившего на свой творческий путь, это явилось образной программой действий и основой миропонимания. Русский героический рабочий класс, выдвинув в эпоху своего роста и подъема великого писателя, воплотил в нем свою несокрушимую волю к победе, дал ему свою неиссякаемую страсть в борьбе. И не случайно рядом с приведенным выше высказыванием Сталина на полях той же книги Горького стоят и прекрасные своим глубоким чувством слова К. Е. Ворошилова, в прошлом — луганского рабочего, в настоящем — вождя непобедимой Красной Армии и первого маршала Советского Союза:

«Я люблю М. Горького, как моего и моего класса писателя, который духовно определил наше поступательное движение».

Время странствований Горького «выпрямило» его, а жизнь и работа в Тифлисе определили его дальнейший жизненный и писательский путь. Глубокой осенью, в октябре 1892 года, он ехал Каспийским морем на рыбачьей шхуне на север. Шхуна резала зеленую воду острым носом и по борта зарывалась в белую пену. Справа дул порывами мощный ветер из Хивы, а с левого борта в прозрачной синеве осени появлялись и исчезали темные горы Кавказа. Позади оставалась солнечная Грузия. Впечатления от величественной природы этой страны и романтической мягкости ее народа могучей волной подняли его к новым мыслям, завершая итоги странствий. Теперь предстоял путь воплощения пережитого в творческий труд.

1933—37 гг.

КОНЕЦ ПЕРВОГО ТОМА

ПРИМЕЧАНИЯ И МАТЕРИАЛЫ

1. ПРЕДКИ ГОРЬКОГО

(К стр. 4)

Дед Горького со стороны матери, Василий Васильевич Каширин, по данным автобиографической заметки Горького,[1] родился в 1797 году, по материалам же «Детства» — в 1800-м. Последняя дата подкрепляется позднейшей пометкой: «Дед говорил, что он видел пленных французов в Балахне, когда ему было 12 лет».[2] По данным «Детства», Каширин водил расшиву еще на ярмарку в Макарьев, то есть до 1817 года, — в этом году ярмарка была переведена в Нижний. Красильным ремеслом Каширин занялся в 1830-х годах и особенно преуспел в этом деле с конца 40-х. Действительно, уже в 1855 году, как о том свидетельствует «Памятная книжка Нижегородской губернии», он был старшиной красильного цеха. Умер он в 1889 году, и Горький, вернувшись в Нижний после жизни в Казани и своих первых странствий, развозя баварский квас, имел с ним жуткие встречи, когда он, нищий и безумный, ходил по улицам города, выпрашивая под окнами милостыню. Бабушка Горького, Акулина Ивановна Каширина, умерла за 2 года до смерти деда, так же как и он — нищей.

[1] Написана в 1897 году, опубликована С. А. Венгеровым в 1914 году, в его издании «Русская литература XX века», том I, стр. 190—192.

[2] Из неизданных материалов.

Дед Горького со стороны отца — Савватий Пешков — был солдатом времени Николая I, дослужился до офицера, потом разжалован был в солдаты и сослан в Сибирь за жестокое обращение с подчиненными. О бабке Горького со стороны отца никаких сведений не сохранилось. Савватий Пешков был человеком столь крутого характера, что сын его — Максим Пешков — еще в детстве не раз убегал из дому. Однажды отец искал его по лесу с собаками, как зайца, другой раз, найдя его, стал так истязать, что соседи отняли мальчика. Кончилось тем, что Максима Пешкова взял к себе его «крестный отец», пермский столяр, для обучения своему ремеслу, приписав его в цеховые города Перми. Но, видимо, не радостно жилось ему и там. Он убежал и от «крестного», кормился тем, что водил слепых по ярмаркам, а придя в Нижний, стал работать столяром на пароходах купца Колчина. Работа его нравилась: двадцати лет он уже слыл хорошим мастером своего дела — краснодеревцем, обойщиком и драпировщиком.

Данные автобиографической заметки 1897 года и здесь несколько отличаются от материалов «Детства». По первому источнику, Максим Пешков с десяти лет до семнадцати пять раз уходил от отца. Последний раз ему удалось убежать навсегда, он пешком пришел из Тобольска в Нижний. По второму источнику, Савватий умер, когда сыну его минуло девять лет, и после смерти отца он был взят крестным в Пермь. То обстоятельство, что метрическая запись о рождении Горького называет Максима Савватиевича *пермским* мещанином, говорит за бо́льшую точность «Детства». Любопытно, что и мать Горького, Варвара Васильевна Пешкова, по смерти мужа числилась пермской мещанской вдовой, хотя никогда не жила в Перми, да и сам Алексей Максимович в списках Нижегородской ремесленной управы шел за пермяка. Этого же твердого понятия держались и в семье: бабушка ругала Горького так: «Ах ты, пермяк, солены уши!»

Из бумаги Нижегородской казенной палаты от 27 февраля 1873 года, постановившей по рапорту Ремесленной управы причислить мещанскую вдову Пешкову

и ее сына в нижегородское цеховое общество «для народного счета», видно, что в то время матери Горького было 27 лет и 3 месяца, следовательно, родилась она в 1845 году.[1]

Умерла Варв. Вас. Пешкова в августе 1878 года, на 33-м году жизни.

О том, когда родился и каких лет умер отец Горького, документальных сведений нет.

2. МЕТРИЧЕСКАЯ ЗАПИСЬ

(К стр. 5)

О рождении Алексея Максимовича Пешкова в метрических книгах церкви Варвары Великомученицы, что стояла на Дворянской улице Нижнего-Новгорода, была занесена такая запись:

«Рожден 1868 г. Марта 16, а крещен 22 чисел, Алексей; родители его: Пермской губернии мещанин Максим Савватиевич Пешков и законная его жена Варвара Васильевна, оба православные. Таинство святого крещения совершал священник Александр Раев с диаконом Дмитрием Ремезовым, дьячком Феодором Селицким и пономарем Михаилом Вознесенским. Восприемниками при крещении были: Нижегородской губернии г. Арзамаса сын кандидата Михаил Григорьев Иванов и нижегородская мещанка Наталья Ивановна Бобкова».

Эта запись, найденная и опубликованная в 1908 году В. Золотницким,[2] точно установила год и день рождения Горького. Сам А. М. колебался при обозначении года своего рождения, называя то 1868, то 1869 и считая более правильным второе. Днем же своего рождения считал 14 марта. Эта же дата значится и в ряде официальных бумаг.

---

[1] Документы Нижегородской ремесленной управы опубликованы А. Белозеровым. «Новый Мир», 1926 г., № 3, стр. 115, 116.

[2] «О Максиме Горьком» (К 40-летию со дня его рождения). «Нижегородский Листок», 1908 г., № 65.

По новому стилю 16 марта приходилось в XIX веке на 28 марта.

Н. И. Бобкова, в замужестве Душина, — нижегородская купчиха. Сын кандидата М. Г. Иванов — отставной капитан волжского пароходства, живший в Нижнем отшельником, на покое. Ни с «крестным», ни с «крестной» у «крестника» в дальнейшем никаких связей не было. К первому, впрочем, он заглядывал в окно с улицы, удивляясь большому количеству книг, а от второй получил раз на Пасху гривенник.

3. АСТРАХАНСКАЯ АРКА

(К стр. 5)

«...Скоро и вышло ему ехать в Астрахань; ждали туда летом царя, а отцу твоему было поручено триумфальные ворота строить. С первым пароходом поплыли они...» Так рассказывала Акулина Ивановна Каширина внуку.[1] В очерках «Молодой Горький», печатавшихся в 1927 году, я, учитывая возможную художественную условность повести «Детство», писал: «Рассказ, вероятно, легендарный, характерен как отзвук известности Максима Савватиевича по части его мастерства».

Когда эти строки попались на глаза А. М., он сообщил мне в письме: «Я думаю, что отец мой должен был принимать то или иное участие в построении триумфальной арки, ибо строилась она, конечно, пароходчиками».

Розыски в местных «Ведомостях» и «Листке» дали возможность установить проезд Александра II через Астрахань в 1871 году и факт действительного существования триумфальной арки у пароходной пристани, — документальность «Детства» еще раз и интересным образом была подтверждена.

Но это оказалось существенным и в том смысле, что в свою очередь помогло установить время переезда Пешковых в Астрахань, до этого были основания относить его на два-три года раньше.

[1] М. Горький, Собр. соч., 1933 г., том XVI, стр. 140.

Переезд состоялся, следовательно, не позже этого года. Косвенным указанием на то, что он состоялся не раньше этого года, служит список присяжных заседателей Нижегородского уезда на 1871 год, в котором еще значится цеховой Максим Савватиевич Пешков.[1]

Таким образом, астраханская жизнь Пешковых сузилась до полутора лет. Начало ее устанавливается разысканиями об арке, а сохранившееся прошение вдовы Варвары Васильевны Пешковой в Нижегородскую ремесленную управу от 27 октября 1872 года точно определяет ее конец. Первые воспоминания писателя, закрепленные началом повести «Детство», мы должны отнести, следовательно, к сентябрю-октябрю этого года, когда он был в возрасте четырех с половиной лет.

Кроме того: если принять сообщение в автобиографической заметке 1897 года, что отцу Горького было только двадцать два года, когда он получил назначение в Астрахань, то, исходя из обследованного материала, можно определить год его рождения как 1849-й и сделать вывод, что он был моложе Варвары Васильевны на четыре года, женился восемнадцати лет, а умер — двадцати трех.

4. РАЗОРЕНИЕ КАШИРИНЫХ

(К стр. 9)

Найденные мной «Раскладочные Ведомости налога с недвижимых имуществ по Нижнему-Новгороду» дают возможность, помимо интересного выяснения имущественного положения Кашириных, документировать вообще повесть «Детство» со стороны дат и топографии.

«Раскладочные Ведомости» появляются в «Нижегородских Губернских Ведомостях» с 1868 года. В этом году во 2-й Кремлевской части (в этой части города находилась Ковалихинская улица) по «Ведомостям» зна-

[1] «Нижегородские Губернские Ведомости», 1870 г., стр. 533.

чится дом цехового Василья Васильева Каширина, оцененный по городской оценке в 2140 рублей, и дом в совместном владении цеховых Вас. Вас. Каширина и Якова Вас. Каширина в Рождественской части, оцененный в 460 рублей.

1869 год не вносит изменений в это положение, но уже в 1870 году дом во 2-й Кремлевской части (несомненно, что это дом на Ковалихе, во флигеле которого родился Горький) переходит к надворному советнику Раевскому, — это устанавливается тожеством соседей-домовладельцев.

С этого же года дом в Рождественской части переходит во владение одного Якова Вас. Каширина. Когда впоследствии в «Ведомостях» появляется наименование улиц, по соседям-домовладельцам устанавливается тожество этого дома с известным по «Детству» домом на Успенском съезде, одноэтажным, «с нахлобученной низкою крышей и выпученными окнами». В этом доме жили старики Каширины с семьями двух взрослых сыновей, здесь помещалась их общая красильня и здесь поселяется Горький с матерью по приезде из Астрахани. Дом этот сохранился до сих пор, и А. М. уже в мае 1936 года по просьбе местных работников начертил на память расположение комнат.

В 1871 году Вас. Вас. Каширин покупает дом в 1-й Кремлевской части, оцененный, по «Ведомостям», дешево, в 276 рублей. Возможно, что это был упоминаемый в «Детстве» дом на Новой улице, но, по данным «Ведомостей», районирование в этом году неясное. Уже в 1873 году дом этот переходит к унтер-офицеру Васильеву.

Так же как дом на Успенском съезде, хорошо известен читателю по «Детству» и дом на Канатной улице, с тремя окнами на улицу и с чердачным окном наверху. По «Ведомостям», он оценен в 306 рублей. Вас. Вас. Каширин владел им года полтора, в 1875 и в 1876 годах, вероятно — до осени, как об этом и рассказывается в «Детстве». Еще 15 июля 1876 года «Нижегородский Биржевой Листок» в «Дневнике происшествий» сообщал:

«В ночь на 12 у проживающего на Канатной улице, в своем доме, цехового Василья Каширина, чрез взлом висячего замка у амбара, похищены разные вещи на 14 рублей 10 копеек».

Соседями этого дома, в соответствии с рассказанным в «Детстве», значатся: «дом и флигель цеховых Елизаветы и Варвары Петровых Овсянниковых» (в этом доме жил известный по «Детству» старый полковник) и «деревянный на каменном полуэтаже дом и деревянный флигель коллежского регистратора Петра Николаевича Бетлинга».

Сюда приезжала мать Горького, здесь, в доме Бетлинга, познакомилась с Максимовым, своим вторым мужем, и отсюда же уехала с ним в Москву, снова оставив Горького на попечение деда.

В том же 1876 году, когда продан был дом на Канатной, продается и дом Якова Вас. Каширина на Успенском съезде. С этого времени всякие сведения о владениях семьи Кашириных с таблиц «Ведомостей» исчезают.

В автобиографической заметке 1897 года Горький называет деда владельцем нескольких домов и трех мастерских.

Это, очевидно, относится к периоду наибольшего успеха красильного дела Каширина к тому времени, когда он избирался и переизбирался ремесленным старшиной красильного цеха. В период, освещенный здесь, имеются сведения только еще о мастерской Михаила Васильевича Каширина, находившейся на Большой Покровской улице. Сведения о ней сохранились благодаря известию о краже, обнаруженной в этой мастерской 25 февраля 1870 года.[1]

О том, что Михаил Каширин владел не домом, а только мастерской, можно заключить также из списка участвующих в городских выборах, по которому видно, что Василий и Яков Каширины уплачивают налог с недвижимостей, а Михаил — только с промысла.[2]

---

[1] «Нижегородские Губернские Ведомости», 1870 г., стр. 104.
[2] «Нижегородские Губернские Ведомости», 1870 г. Приложение к № 43.

3. ШКОЛА

(К стр. 10)

До поступления в Слободско-Кунавинское приходское училище, Горький около месяца в январе — феврале 1876 года ходил в Ильинское приходское училище — по месту своего жительства и «приходу» на Канатной улице. Заболев оспой, он выбыл из этой школы.

Приходские училища (нужно отличать их от церковно-приходских школ, состоявших в ведении синода) содержались городом и «почетными блюстителями» из купцов.

Вот их устройство и программа:

«Особенная цель приходских училищ — безвозмездное распространение первоначальных знаний между людьми всех состояний и обоего пола. В эти училища допускаются дети не моложе 8 лет, а девочки не старее 11. От вступающих не требуется никакой платы и никаких предварительных сведений. В них преподаются следующие предметы: 1) Закон божий по краткому катехизису и священной истории; 2) чтение по книгам церковной и гражданской печати и чтение рукописей; 3) чистописание и 4) четыре первые действия арифметики». [1]

Учительский штат приходской школы состоял обычно из двух лиц: «учителя» и «законоучителя». Фигуры обоих представителей слободско-кунавинской педагогии весьма колоритно изображены Горьким в повести «Детство».

История сохранила их имена. В «Адрес-календаре Нижегородской губернии на 1873 год», в штате Слободско-Кунавинского училища значатся: законоучитель Александр Виноградов и учитель Иван Молниев. [2] Это подтверждается и другими данными. Н. Сигалев, товарищ Горького по кунавинским похождениям, также вспоминает, в письме к нему, учителя Ивана Андреевича Молниева, по прозвищу «бритая губа». [3] Подписи

[1] «Памятная книжка Нижегородской губернии на 1865 год». Часть II. Справочные сведения. Стр. 13.

[2] «Адрес-календарь Нижегородской губернии на 1873 год», стр. 128—129.

[3] Из неизданных материалов.

Виноградова и Молниева имеются и на похвальном листе, выданном Горькому Слободско-Кунавинским училищем 18 июня 1878 года.

Об обстоятельствах, при которых получено было Горьким это отличие, он так вспоминает в «Детстве»:

«В школе мне снова стало трудно, ученики высмеивали меня, называя ветошником, нищебродом, а однажды, после ссоры, заявили учителю, что от меня пахнет помойной ямой и нельзя сидеть рядом со мной. Помню, как глубоко я был обижен этой жалобой и как трудно мне было ходить в школу после нее. Жалоба была выдумана со зла: я очень усердно мылся каждое утро и никогда не приходил в школу в той одежде, в которой собирал тряпье.

Но вот, наконец, я сдал экзамен в третий класс, получил в награду Евангелие, Басни Крылова в переплете и еще книжку без переплета, с непонятным титулом — «Фата-Моргана», дали мне также похвальный лист. Когда я принес эти подарки домой, дед очень обрадовался, растрогался и заявил, что все это нужно беречь и что он запрет книги в укладку себе. Бабушка уже несколько дней лежала больная, у нее не было денег, дед охал и взвизгивал:

— Опиваете вы меня, объедаете до костей, эх, вы-и...

Я отнес книги в лавочку, продал их за пятьдесят пять копеек, отдал деньги бабушке, а похвальный лист испортил какими-то надписями и тогда же вручил деду. Он бережно спрятал бумагу, не развернув ее и не заметив моего озорства». [1]

Этот документ недавно найден и хранится в музее М. Горького в Москве. Вот его текст:

ПОХВАЛЬНЫЙ ЛИСТ

Н. С. Кунавинское начальное училище, одобряя отличные пред прочими успехи в науках и благонравие ученика Алексея Пешкова, наградило его сим похвальным листом, в пример другим.

Июня 18-го дня 1878 года

[1] М. Горький, Собр. соч., том XVI, стр. 168—169.

Рукою награжденного комически переиначены даты, к фамилии «Пешкова» прибавлено прозвище «башлыка», к «успехам в науках» прибавлено «и шалостях», а название училища — Нижегородско-Слободское Кунавинское расшифровано так: «Наше свинское Кунавинское».

В повести «Детство» школа обрисована еще чудесной сценой приезда епископа Хрисанфа, который защитил Горького от преследовавших его «педагогов» и дал ему возможность кончить класс.[1]

Горький выбыл из Слободско-Кунавинского училища в июне 1878 года, Хрисанф приехал в Нижний для занятия епископской кафедры 6 февраля 1878 года. Встреча их, изображенная в «Детстве», относится, следовательно, к этому промежутку времени.

Посещение епископом начальной школы для городской бедноты было, вероятно, явлением совершенно необычным. Но Хрисанф, поскольку можно судить по документам «Нижегородских Епархиальных Ведомостей» того времени, уделял вообще большое внимание образовательной части. Заинтересованность его в ученике начальной школы Пешкове не имела других последствий кроме того, что помешала уволить Горького «за недостойное поведение», — напротив, ему даже был выдан аттестат о «благонравии», оспоренном, впрочем, как мы видели, самим Горьким; все это не имело других последствий, может быть, потому, что Хрисанфа постигла вскоре личная катастрофа: 13 июля того же года его разбил паралич, фактически прекративший всякую его деятельность.

В «сведениях» о Горьком Нижегородского жандармского управления, в графе «место воспитания», значится: «обучался в Нижегородском Ремизовском приходском училище, но курса в оном по бедности не окончил, оставил это училище в 1879 году». «Ремизовским» Слободско-Кунавинское училище называлось, вероятно, в просторечии, — так же как Ильинская школа, в которой Горький учился до того, называлась «Ямской». Но дата неверная, как неверно и наименование училища

[1] М. Горький, Собр. соч., том XVI, стр. 155—157.

ремесленным, встречающееся в других материалах. В Нижнем-Новгороде было одно ремесленное училище — Кулибинское, но типа значительно более высшего, чем училище «приходское». Серьезные заботы о нем нижегородского купечества были связаны с необходимостью иметь для себя кадры пароходных машинистов, ремонтных рабочих и вообще низшего технического персонала.

6. О РОДСТВЕННИКАХ

(К стр. 11)

По художественным образам повестей «Детство» и «В людях» читатель знает не только прямых родственников Горького — отца, мать, бабушку и деда, но и двух старших сыновей Каширина — «дядю Михайлу» и «дядю Якова», а также сыновей их — «Сашу Михайлова» и «Сашу Яковова».

В письмах ко мне А. М. не раз возвращался к воспоминаниям об этих людях его далекого прошлого, рассказывая о дальнейшей жизни их, за пределом времени, освещенного автобиографическими повестями.

Он всегда тепло вспоминал при этом «Сашу Михайлова».

«Александр Михайлович Каширин, двоюродный брат мой, был, действительно, хороший человек, но босяк и потому — пьяница. Не алкоголик, а человек, — очень мягкий, безвольный и пьющий из чувства товарищества, — «за компанию».

Романтик, лирик. Трижды судился за мелкие кражи. Но — воровал опять таки из мотивов товарищества. Устроишь его «на месте», он поживет немного, тихонький, всем покорный, а товарищи «золотая рота» из Миллионной улицы в Нижнем соблазнят его, он и украдет *для них*. Я вывез его из Нижнего в Крым, пристроил в Симеизе сторожем в имение графа Милютина, на 22 рубля, при хозяйских харчах и квартире, но Саша, прожив месяца три зимних, заявил мне: «Не могу жить без Волги» и — удрал.

... Он был веселый, тихий юморист, не дурно пел, отлично играл на гармонике. Был женат, но с женой, очень милой женщиной, не прожил и года, сбежал в «золотую роту». О нем можно бы написать роман, подобный роману Лоти — «Мой брат Ив».[1]

Переписка моя с Алексеем Максимовичем началась в 1925 году, когда я принимал участие в редактировании ленинградских альманахов «Ковш». Алексей Максимович интересовался их составом, сообщал отзывы, прислал для альманахов свой рассказ «О тараканах». Затем темы переписки нашей расширились рядом других редакционно-издательских дел. Но при каждом почти письме я «контрабандой» стремился получить от него ответ на тот или иной вопрос, разрешить который мне необходимо было по моим биографическим работам и ответ на который я мог получить только от него. Алексей Максимович отвечал иногда односложно, не очень охотно. — «Надоело мне вспоминать о прошлом, — писал он, — каждый раз, принимаясь за это, точно узкий сапог надеваешь: сапог-то хотя и совсем изношен, а все ногу жмет». — Но иногда, в счастливые для меня минуты, он присылал целые сцены прошлого, как бы эскизы целых рассказов, отмеченные печатью его изумительного мастерства.

Так случилось, когда я послал ему три старинные фотографические карточки с просьбой указать, кто на них изображен. Алексей Максимович сперва начал писать имена этих людей на обороте карточек, потом это показалось ему почему-то неудобным, и он перенес их на бумагу. А затем уже, «зацепившись» за одно из лиц и увлеченный воспоминаниями, написал такое письмо:

Дорогой Илья Александрович

возвращаю снимки.

1. —

Михаил Васильевич Каширин, мой дядя; тот, который переломил палкой руку бабушке. Его вторая жена, — Надежда, дочь трактирщика Чиркова. Сын их, вероятно — Константин.

2. —

Дети М. Каширина от второй жены: Константин, Николай, третьего не знаю как зовут. Двое были рабочими в Сормове, теперь, кажется — партийцы.

3. —

В середине с вытаращенными глазами — М. Каширин, по бокам — дети его; впереди с левой стороны, бородатенький — племянник, сын Якова Каширина Александр. Сей последний несмотря на серьезное выражение лица его и фуражку с гербом, — личность «сильно комическая». Его мать умерла, когда ему было пять или шесть лет от рода. Так-же как и первая жена дяди Михаила она взята была из обедневшей дворянской семьи. Александр утверждал, что, умирая, она внушала ему: «Помни, что в тебе течет дворянская кровь!» Поэтому Саша, будучи помощником Кривауса, регента церковного хора, начал носить дворянскую фуражку, но вскоре это было запрещено ему полицией. Он заменил этот «головной убор» фуражкой инженера путей, однако и это повело к неприятностям, так что ему пришлось носить шляпу, в ленту которой он воткнул серебряную стрелу. Жизнь «В людях» начал он мальчиком в магазине обуви Леонтия Порхунова, затем стал приказчиком, а мальчиком — я.

Далее: он был певчим — второй тенор — в знаменитом церковном хоре Сергея Рукавишникова, — отца Ивана, поэта; далее, — как сказано — помощником регента; «сидельцем» в «монопольке», но «просчитался», был судим и понес какое-то наказание, затем, стремясь в урядники, купил очень пёстрого коня и учился

[1] В другом письме А. М. еще так писал о «Саше Михайлове»: «Прекрасная, чистейшая душа русского романтика, лирик, музыкант и любитель — страстный — музыки... Он очень любил меня, но читал неохотно и спрашивал с недоумением: «Зачем ты все о страшном пишешь?» Его жизнь бродяги, босяка не казалась ему страшной... Несколько раз я пробовал устроить Сашу, одевал его, находил работу, но он быстро пропивал все и, являясь ко мне полуголый, говорил: «Не могу, Алеша, неловко мне перед товарищами»... Вообще это был замечательный парень, и, на мой взгляд, лишь по какой-то уродливой случайности он не стал поэтом, писателем. Босяки очень любили его и, конечно, раздевали догола, когда он являлся к ним прилично одетый и с деньгами» («Русский евгенический журнал», 1926 г. Том IV, стр. 128).

ездить верхом, гарцуя в поле, около оврага, куда сваливали городской мусор. Конь сбросил его в овраг, и — бесследно исчез, а Саша вывихнул ногу и сломал два пальца на левой руке. После этого он стал носить синие очки и пробовал организовать «Бюро похоронных процессий». Так как все его деловые предприятия субсидировались мною, — он предложил мне принять участие и в «Бюро». Это было уже в 1903-г. Хорошо помню мотивы предложения. Он говорил мне: «В городе тобой интересуются, так что если на вывеске будет твое имя вместе с моим, — мы покойников получим». По недостатку времени, а так-же по некоторой антипатии к делам коммерческим, я отказался от организации «Бюро похоронных процессий», но денег ему дал. Он купил николаевскую шинель с воротником шалью, меховую шапку, два кольца, с красным и зеленым камнями, орден Станислава, низшей степени, медаль «За спасание погибавших» или утопавших. Орден я не советовал ему носить, а медаль он все-таки прикрепил на узенькую грудь свою. Был он высокомерен и труслив, деспотичен и подхалимоват, к людям, не дворянской крови относился пренебрежительно, почти брезгливо. Старался говорить барственно и веско, но говорил тускло и «своим словцом» не обладал. Впрочем, кажется, он слово «хорошо», заменял менее ответственным — «удовлетворительно». О своих неудачах он рассказывал не жалуясь, тоном охотника, который «своими глазами видел» единоборство лисы с тетеревом и победу тетерева над лисой. Говорил: «Может быть богато и нет, а в церковь ходить все таки следует, приличнее». Приличия он соблюдал строго. Отлично, как и отец его, дядя Яков, играл на гитаре, вдвоем они, под аккомпанимент гитар, чувствительно распевали старинные романсы: — «Там где море вечно плещет», «Кольцо души-девицы я в море уронил», «Стонет сизый голубочек», «Как — от ветки родной, лист осенней порой, оторвавшись, по ветру летает», «Что ты сунженец не весел, беззаботный сорванец». Я до сего дня помню десятка полтора, два таких романсов. Пели и «Стрелочка» и «Эх, Машуха полорота, ты не шляйся за ворота», но оба предпочитали веселому — «чувствительное». Дядю

Якова, Сашка держал в черном теле, называл по фамилии, помыкал им как лакеем, заставлял чахоточного старика ставить самовар, мыть пол, колоть дрова, топить печь и т. д. Отец-же — любил его, — «души в нем не чаял», — смотрел на человека с дворянской кровью в жилах лирическими глазами, глаза точили мелкую серую слезу; толкал меня дядя Яков локотком и шептал мне:

— «Саша-то, а? Бар-рон...»

Барон суховато покашливал, приказывая отцу:

— Каширин, ты что-же, брат, забыл про самовар?»

И снова вспоминал «Сашу Михайлова»:

«У Михаила Каширина был от первой жены сын, тоже Александр, удивительно милый человек, но, по природе своей — лентяй, бродяга, профессиональный босяк. Об этом Александре можно бы написать не хуже, чем Лоти написал книгу «Мой брат Ив».

Понятно было мое восхищение его рассказами по поводу карточек. В следующем письме А. М. писал:

«Ваше отношение к моим «комментариям» побудило меня дать несколько черточек к характеристике дяди Михаила, думаю, что этого требует справедливость наблюдателя и свидетеля.

Был он, дядя Михаил, человек тощий, сухой плоти и раздраженного разума человек. Странно, — однако мне кажется, что большинство людей, именуемых Михаилами, именно таковы. Весьма возможно, что в характере Михаила Каширина было нечто сродное с Михаилом Ивановичем «Растеряевой улицы». Бабушка называла его: «злоокий». «Эх, ты, змей злоокий! Кикимора злоокая!»

Глаза у него — круглые, птичьи, белки — в красных жилках, зрачки рыжеватые, с искрой. Ходил — быстренько, мелким шагом, раскачиваясь, болтая руками, сутулился, прятал голову в плечи, — так пьяные идут в драку. Работу — не любил и работал всегда в состоянии крайнего раздражения, со злобой. Бегал по двору,

засучив рукава, с руками по локти в синей, черной или желтой краске и — матерно ругался. Работа не удавалась ему и толстущая его жена зорко следила, чтоб он не испортил материй, которые красил, а он ходил на нее с мешалкой, как со штыком. Был случай, когда она, вырвав мешалку, огрела мужа так, что он завыл: — «Господи! Из-ззувечила!»

У него всегда были любимые словечки, но он часто менял их. Помню, любил он говорить: «По-азбучному», наполняя это слово различным содержанием, произнося его то — с иронией, то — пренебрежительно или равнодушно, изредка — одобрительно. Как-то, при мне, он словесно и очень долго травил сына своего, кротчайшего Сашу, — у Саши был трогательный роман с кухаркой, женщиной старше его лет на двадцать. Сашок долго не поддавался травле, но когда отец пошел на него с кулаками, оттолкнул отца: «Отстань, пьяное чудище!» Дядя покачнулся, упал и, сидя на полу, одобрительно произнес: «По-азбучному!» и горько заплакал, но когда Саша, смущенный его рыданиями, наклонился чтоб поднять его, — отец ловко схватил его за волосы, подмял под себя, сел верхом на грудь ему и победительно, торжествуя, заорал: «Аг-га, по-азбучному!»

Это словцо заменилось у него другим: «кусательно». «Кусательно» пели певчие обедню, «кусательно» горячи были щи и «кусательно» штрафовала Ремесленная управа. Затем явилось слово — «Рудольф» и также как в два первые, он влагал в него различное содержание. Этим его пристрастием к необыкновенным словам я воспользовался для Сатина в «На дне».

Меня дядя Михаил не терпел, пожалуй, можно сказать, — ненавидел. Дважды выразил искреннее сожаление о том, что не разбил мне голову о печку. Я не имею возможности хвастаться этим, ибо он, кажется, всех ненавидел. Теперь я думаю, что он, кроме алкоголизма, страдал истерией. А основная причина всех его уродств, конечно, в том, что он, старший сын ремесленного старшины, в юности приученный к сытой жизни и хорошей одеже, затем женатый на дворянке — принужден был жить с толстой, удивительно тупой и

грубой бабой, дочерью темного трактирщика, должен был сам работать в крайней бедности, в постоянной войне с братом, отцом, конкурентами по ремеслу. Тяжелая фигура. Но и жизнь была не легка ему».

Что же касается «Саши Михайлова», то сходство его с матросом Ив Кермадек из романа Лоти было действительным сходством характеров. Добряк и мечтатель, душевно чистый человек, Ив гибнет в силу окаянных условий своей жизни и вследствие той непобедимой уже слабости, которою страдал и Александр Каширин.

«— По крайней мере, вы отлично знаете, брат, что я переменился теперь и есть н е ч т о, с чем совершенно покончено; ведь не об этом вы говорите?

А я пожал руку моему брату Иву, стараясь улыбнуться, как человек, вполне доверяющий.

Нужно бы уметь прекращать истории в жизни, так же как мы прерываем истории в книгах. . .»

7. МОДНЫЙ МАГАЗИН ОБУВИ

(К стр. 13)

В «Нижегородском Биржевом Листке» Порхунов рекламировал свое предприятие как «огромный выбор всех сортов обуви Венских, С.-Петербургских, Московских и Варшавских фабрик в оптовой и розничной продаже».

Автобиографическая повесть Горького «В людях» начинается со сцен, происходящих в магазине Порхунова. Там же рассказывается и о взаимоотношениях Горького с его двоюродным братом, Александром Кашириным, сыном Якова Вас. Каширина, — «Саша Яковов» в повести «Детство». Он поступил к Порхунову раньше Горького и имел уже над ним некоторое старшинство. Служба Горького у Порхунова прервалась весной 1879 года, Каширин же еще оставался в магазине некоторое время, что видно из такого происшествия, зарегистрированного «Нижегородским Биржевым Листком» 22 июля 1879 года:

«Дочь диакона Анна Павлова заявила, что она в час дня 19 числа была на Б. Покровке в магазине Порхунова для покупки обуви и там нечаянно обронила кредитный билет в 3 рубля. Подозрение в поднятии денег она заявила на служащего в магазине мальчика 13 лет, сына нижегородского цехового, Александра Каширина, на том основании, что он находился на том месте, где обронены были деньги, и что кроме его тут никого не было. Мальчик Каширин в поднятии денег не сознался, и при нем по осмотре ничего не найдено».

Александр Каширин не долго служил у Порхунова и вскоре вступил певчим в церковный хор Рукавишникова, курьезное барско-купеческое предприятие. Отца его, Якова Вас. Каширина, постигло общее всем линиям семьи Кашириных разорение и, так сказать, «деклассация». Но «Саша Яковов», в отличие от своего двоюродного брата «Саши Михайлова», сошедшего в босяки, старался, как мы видели, занять, хотя и без особого успеха, возможно более, по его представлению, эффектное место в мещанском кругу.

В 80-х годах жизнь Кашириных представляла типичную картину распада мещанской семьи, эпизоды из ее быта и производимый ею шум проникали (через полицейские протоколы) даже в местную печать. Вот изумительное сообщение «Нижегородского Биржевого Листка» от 13 ноября 1884 года (времени, когда Горький переехал в Казань и территориально уже не соприкасался с Каширинами):

«Проживающий на Готмановской улице, в доме Веселовского, нижегородский мещанин Василий Васильев Каширин 10 ноября, в 12 часов утра, заявил, что 7 ноября он попросил внука своего, нижегородского цехового Александра Яковлева Каширина, находившиеся у него в незапертом сундуке деньги 90 руб. переложить из одного места в другое, а сам в то время выходил на двор; возвратившись со двора, он проверил действительность перекладки денег в сундуке и сундук тот завязал веревкой; 10 же ноября стал осматривать сундук и нашел веревки целыми, а денег в сундуке не оказалось; почему он и подозревает в краже их своего внука Александра Каширина»...

8. ЕЩЕ О РОДСТВЕННИКАХ

(К стр. 14)

Кто это «М., дальний родственник» мой? — писал мне А. М. — Нужным считаю осведомить Вас, что существуют люди, облыжно и неведомо — зачем? — именующие себя родственниками моими; даже из Канады прислали мне семейную фотографию: изображено на ней человек десять обоего пола и все — неоспоримые евреи. Где-то в Закавказье живет «родной брат» мой, по имени Серафим, а по телеграммам его — сумасшедший. В 29-ом году, в Москве, пришла дама и объявила: «Я — ваша дочь!» Спрашиваю: — Почему? «А, вот,» — говорит — «в 903-ем году вы принимали участие в разводе мамаши моей с ее мужем, так, очевидно, была у вас личная заинтересованность в этом деле...» Совместно и подробно разобрались в событиях и оказалось, что я к «делу» непричастен, да и от места действия — далеко был. Доказательства в пользу «алиби» моего удовлетворили даму, посмеялись мы с нею и она ушла, оставив у меня впечатление, что история выдумана ее желанием познакомиться с писателем. Вообще — родственников много, но есть и настоящий троюродный брат, даже стихи пишет; недавно прислал целую тетрадь, рекомендуется так:

«Я не всамделишный поэт
Какие есть и были встарь
Не член поэтов цеха — нет!
И не писательства кустарь»

А сочиняет такое:

«Настал семнадцатый год
Рушились стены тюрьмы
Сверг истукана народ
Не рады, что-ли были мы?»

Это — тот самый бывший мальчик, который, открыв кран самовара выпустил из него воду, вследствие чего самовар распаялся, а меня — выдрали.[1] Прилагаю его письмо, может быть годится Вам, биограф.

---

[1] Об этом эпизоде рассказывается в повести «В людях» — Собр. соч., том XVII, стр. 122. *И. Г.*

Письмо этого «спутника» отроческих лет Горького действительно не лишено интереса.

Уважаемый Алексей Максимович!

Года три я думал, но все же не решался беспокоить Вас, особенно в Москве.

Дело вот в чем.

Я думаю, что еще и отец мой говорил Вам, что меня считали талантливым и математиком, и художником, и слесарем и пр., но все эти грехи отпали — проще — не пригодились мне в жизни.

Года три-четыре тому назад — совершенно случайно у меня обнаружилась еще одна и уже никак не ожидаемая «способность» — писать рифмой и при настроении без конца.

В первое время меня это интересовало и я записывал всю попадавшуюся под руку бумагу.

Написанного я никому не читал, домашние хотя и знали, что я «пишу», но никогда этим не интересовались, считая это (да и я сам) шуткой и при периодических уборках все написанное сжигали или шло в уборную.

С год назад я решил уцелевшие отрывки занести в тетрадь (посылаю Вам).

На днях после годичного антракта в писании, я случайно проговорился одной даме (при встрече нового года) о своем грехе и по ее просьбе описал эту встречу, а для заполнения тетрадки и еще кое-что (конец посылаемой тетрадки). Искренно прошу Вас поверить, что я не собираюсь в поэты и мысли не имею об этом, но меня интересует чисто психологически: — в жизни мне менее всего было до стихов, даже в молодости «этого» за мной не водилось, почему же на 50-м году жизни эта «способность» проявилась?..

Говорят — ничего и похоже на настоящие стихи. Сам я понимать написанного мной не могу; знакомых из лиц «пишущих» не имею абсолютно; обратиться к незнакомым — не остроумно — читать едва ли будут. Решил обратиться к Вам.

Само собою Алексей Максимович я не прошу Вас читать всю посылаемую ерунду, но если будет время просмотрите на выдержку и если найдете нужным ответьте.

Вновь повторяю меня интересует один лишь вопрос — была ли во мне эта «способность», как и многие другие действительно бывшие, свойственна мне или же она появилась под действием внешних факторов уже на конце жизни и действительно писанное есть стихи?»

9. ГОРЬКИЙ И КОРОЛЕНКО НА ОДНОМ РЕЙСЕ

(К стр. 18)

«Отупляющая тоска» первых двух лет работы у Сергеева была прорезана выходом из этого дома к новым впечатлениям. Весной 1880 года, после первой зимы у Сергеева, Горький убежал от него на волжские пристани и нанялся там «посудником» на пароход «Добрый», в то пароходство, где еще отец его работал столяром.

В «дневнике происшествий» «Нижегородского Биржевого Листка» пароход «Добрый» обычно назывался «арестантским»: по давнему договору пароходчика Колчина, а потом — Курбатова, с тюремным ведомством он, кроме перевозки пассажиров, буксировал еще баржу с арестантами, направляемыми в Сибирь. В прежние времена осужденные на каторгу или ссылку в Сибирь шли этапом по знаменитой «Владимирке». С проведением в 1862 году железной дороги из Москвы на Нижний этот путь частью заменил арестантам их старинное этапное движение: теперь они направлялись по железной дороге до Нижнего, а оттуда по Каме, Тоболу — на барже. «Арестантский» пароход «Добрый», на который удалось поступить Горькому, и делал такие рейсы: Нижний — Пермь, неделя — туда, неделя — обратно.

Горький так вспоминал свою жизнь на нем:

«Наш пароход идет медленно, деловые люди садятся на почтовые, а к нам собираются все какие-то тихие бездельники. С утра до вечера они пьют, едят и пачкают множество посуды, ножей, вилок, ложек; моя работа — мыть посуду, чистить вилки и ножи, я занимаюсь этим с шести часов утра и почти вплоть до полуночи... За пароходом на длинном буксире тянется

баржа; она прикрыта по палубе железной клеткой, в клетке — арестанты, осужденные на поселение и каторгу. На носу баржи, как свеча, блестит штык часового... На барже тихо, ее богато облил лунный свет, за черной сеткой железной решетки смутно видны круглые серые пятна, — это арестанты смотрят на Волгу».[1] К массе уголовных, переправляемых таким образом, в эти года присоединяли большое количество политических, после того как правительство, испуганное движением революционных народников, применило массовую бессудную ссылку, особенно после «высочайшего повеления» 24 мая 1878 года и других актов самодержавия, которые Вл. Короленко назвал «законами о беззаконии».

Летом 1880 года, в первое лето службы Горького пароходным посудником, проследовал на барже «Доброго» и Короленко.

Горький не раз указывал на ту благотворную роль, которую сыграл в его жизни повар парохода «Доброго» — гвардии отставной унтер-офицер Михаил Акимович Смурый. «Он возбудил во мне интерес к чтению книг, — писал Горький еще в автобиографической заметке 1897 года. — У Смурого был целый сундук, наполненный преимущественно маленькими томиками в кожаных переплетах, и это была самая странная библиотека в мире. Эккартгаузен лежал рядом с Некрасовым, Анна Радклиф — с томом «Современника», тут же были «Искра» за 64 год, «Камень веры» и книжки на малорусском языке».[2] Страстный любитель книги, Смурый, однако, плохо разбирался в ней. Больше всего у него было книг XVIII века, это были «те уже никому ненужные, устарелые книги, которые подсовывали малограмотному читателю жуликоватые букинисты», — по удачному замечанию В. А. Десницкого.[3] Но во всем этом важно было то, что Смурый своей бескорыстной приверженностью к книге возбудил у Горького интерес к чтению, заставил его «убедиться в великом значении

[1] М. Горький, Собр. соч., том XVII, стр. 71—72.
[2] «Русская литература XX века», под редакцией С. А. Венгерова, том I, стр. 191.
[3] В. Десницкий, М. Горький. 1935 г., стр. 215.

книги и полюбить ее».[1] Этого не могли сделать ни домашнее обучение, ни приходская школа, не внушившие Горькому к книге никакого интереса, ничего кроме отвращения.

Случайно среди книг, которые Смурый заставлял Горького читать ему вслух, попадались и вещи классической литературы. В повести «В людях» рассказано о том, какое впечатление произвело чтение «Тараса Бульбы» на чтеца и на слушателя. Но бывало и так, что вкусы их резко расходились. Лубочное «Предание о том, как солдат спас Петра Великого», весьма понравившееся Горькому, было подвергнуто поварому уничтожающей критике, уничтожающей — в буквальном смысле, потому что книга была смята и выброшена за борт.

Осенью 1880 года Горький был вынужден вернуться к Сергееву, а весной 1881 года снова нанялся на пароход «Пермь» купца Любимова. Это был уже почтовый пароход. Здесь тринадцатилетний Горький служил уже в должности «черного» посудника, «кухонного мужика», и обязанности его, — как писал мне А. М., — были в том, что он «мыл, чистил котлы, кастрюли, сотейники, заведывал «гард а манже», т. е. каютой, где хранились мясо, овощи и пр., надпись на дверях таких кают обычно извещала русским шрифтом, что это «гранд манжа» или проще: «Граманжа».

10. ГРУШНИКИ

(К стр. 20)

Говоря о распространении в 60-х годах лубочной литературы через «офеней», «ходебщиков», «грушников», я сделал такое примечание:

«Грушниками» назывались развозчики товара по деревням, имевшие в своей телеге род универмага и занимавшиеся не только продажей, но и меной, сбывая ситец, ленты, платки, книжки, пряники, вареные груши и т. д. и принимая в обмен домотканное полотно, лен, старое железо и пр. Этим они отличались от «офеней»,

[1] «Русская литература XX века», том I, стр. 191.

торговавших преимущественно книгами и картинками, и от «ходебщиков» и «коробейников», тара которых была мало пригодна для широкой мены. «Грушником» является всем известный «дядюшка Яков» у Некрасова, кричавший:

По грушу! по грушу!
Купи, сменяй!»

Прочтя это примечание, А. М. написал мне:

«Грушниками» назывались уличные продавцы пареной груши. По окраинным улицам верхневолжских городов хаживали грязные, отрепанные мужички, толкая перед собой двухколесную тележку, в тележке — кадка с мелкой грушей, которая покупалась в Рязани. Ее парили в корчагах, добавляя к ней брюкву и немного сдабривая сии продукты патокой и солодом, — получалась густая каша темно глинистого цвета. Идет такой человек и поет:

Садовы, сладки
Пареные груши-и!
Тащи, ребята,
Чугун, железо,
Кости, хрусталь, тряпки,
Худые голицы-и!

Напев — такой, что можно думать: именно так выпевали бирючи «государевы указы». Клич этот вызывал на улицу мальчишек, и они «тащили» заране собранные кости, тряпки и все прочее, за что грушник платил своим, очень неприглядным, но вкусным товаром, черпая его из кадки деревянным черпаком, вместимостью в три столовых ложки — самое меньшее. Но он платил также от копейки до пятака за медь: ручки дверей, скобы шкафов, подсвечники, самоварные канфорки и прочее такое. Он особенно любил медь и поучал и ребят где и как взять ее. Любил он пуговицы всех качеств, охотно брал чайные чашки, солонки, перечницы, вообще брал всякую домашнюю мелочь. Ребятишек за эти меновые операции секли более или менее жестоко, грушника иногда родители останавливали, обыскивали, и, находя у него ценные вещи, били.

«Дядюшка Яков» Некрасова не имеет никакого родства с грушником. Редко бывало, чтоб грушник имел телегу и лошадь, но — бывало. Умнейшие из родителей, чтоб отвадить детей от краж, внушали: грушники — золотари, т. е. ассенизаторы, иначе — говночисты — и в кадках у них именно — оно самое. Но хотя пареная груша видом своим весьма напоминала его — сластоешки не смущались этим, и поучения родителей успеха не имели».

Это описание явилось случайно, благодаря расхождению в понимании термина «грушник».[1] Но оно может дать читателю наглядное представление о тех чудесных устных рассказах Алексея Максимовича, когда он в беседе, иногда по самому незначительному поводу, начинал вспоминать картины прошлого. И возвращаясь к этому же в следующем письме, на мой вопрос — какою же грушей торговал «дядюшка Яков»? — А. М. отвечал:

«Дядюшка Яков» мог торговать и пареной грушей и просто грушей. «Моченой» грушей, грушевым и можжевельным квасами торговали в Нижнем, на Почайне, специально для этого дела созданные природой толстые бабы».

И. ГОРЬКИЙ И БАЛЬЗАК

(К стр. 41)

В письме к Октаву Мирбо, относящемся к 1911 году, Горький обращается к воспоминаниям о первых годах своего сознательного чтения. Порядок чтения по этим воспоминаниям дан несколько отличный от того, который через некоторое время по более детальной работе памяти описан в автобиографической повести «В людях». Но остается то же соотношение между «авантюрными» романами, «психологической» повестью Гонкура и сочинениями Бальзака.

[1] Тип продавца груш менялся по времени и месту. О той его разновидности в верхневолжских городах в 80—90-х годах, о которой пишет А. М., есть статья в «Волжском Вестнике», 1891 г., № 77: «Грушники, как причина нравственной порчи детей». О грушниках первого типа имеются сведения в литературе 60-х годов, но еще в «Русском Богатстве» 1881 года, в статье А. Мичурина о народной книжной торговле есть описание грушника, развозящего по деревням книги в числе других товаров.

Оно из числа тех, которыми полна была тифлисская тетрадь и которые Алексей Максимович не пожелал нам оставить даже «куриоза ради». Это отплеск той лирической волны, которая владела им в самый канун его писательского бытия. И мы жалеем о погибшей тетради не любопытства ради, а потому что хотим, чтобы еще полнее, еще ближе и по-человечески роднее стал нам его образ.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ГОРЬКИЙ И ЕГО ВРЕМЯ

Часть первая (1868 — 1887) 3
Часть вторая (1888 — 1889) 125
Часть третья (1889 — 1892) 234

ПРИМЕЧАНИЯ И МАТЕРИАЛЫ

1. Предки Горького 371
2. Метрическая запись 373
3. Астраханская арка 374
4. Разорение Кашириных 375
5. Школа 378
6. О родственниках 381
7 Модный магазин обуви 387
8. Еще о родственниках 389
9. Горький и Короленко на одном рейсе 391
10. Грушники 393
11 Горький и Бальзак 395
12. Иконописная мастерская 398
13. Горький в театре 404
14. Погром в Нижнем 413
15. Доримедонт Покровский 421
16. В Казани 423
17. В Марусовке 424
18. Библиотека Деренкова 427
19. История булочника Семенова 428
20. Спор о казанских делах и людях 431
21. 12 декабря 1887 года 434
22. Скитания Ромася 439
23. Еще о Маше Деренковой 445
24. Как Горький стал станционным сторожем 446
25. Письмо сослуживца 450
26. Чтения на Добринке 451

27. Несостоявшаяся встреча 452
28. На допросе 455
29. Литературные начала 460
30. Гусев 463
31. Скворцов 468
32. Село Кандыбино 471
33. Спутник 475
34. На горе Вэре 478
35. Читадзе 484
36. В Гори 487
37. Поиски человека 490
38. Письмо Гурию Плетневу 491
39. Дело Федора Афанасьева 493
40. «Куриоза ради» 504

Переплет и титул Д. Двоскина.

Ответ. редактор *Н. Афанасьева.* Техн. редактор *О. Семенова.* Корректор *С. Парфенова.* Леноблгорлит № 3054. Тираж 10 000 экз. Сдано в набор 21/IV 1938. Подписано к печати 11/VII 1938. Бумага 82×110 1/32 Вишерского бумкомбината. Авт. л. 26,47. Уч. авт. л. 26,54. Печ. л. 32. Бум. л. 8. Тип. зн. в 1 бум. л. 125952. Заказ № 204. Цена 5 р. 25 к. Переплет 1 р. 25 к. Набрано и отпечатано во 2-й типографии ОГИЗа РСФСР треста «Полиграфкнига» «Печатный Двор» им. А. М. Горького, Ленинград, Гатчинская, 26.